

Спелые миры

Эдуард Сероусов

РОМАН

Эдуард Сероусов

Спелые миры

<https://litres.ru/74163707>

SelfPub; 2026

Аннотация

Энергетическая установка Резонанс впервые в истории дотянулась до свёрнутых измерений и пообещала человечеству чистое небо. Но через девять дней в городе появляются складки: люди выходят из-за собственной спины, дворы схлопываются, горизонт заворачивается, как лист бумаги у огня. Учёная Лин Чжао понимает, что её установка постучала по стенке невидимого Музея и теперь к спелой планете идут Коллекционеры миров. У ослепшего человечества остаётся один шанс на спасение, и проводником через него способна стать только её семилетняя дочь, которую Лин все эти годы пыталась вылечить от лишней стороны.

Содержание

Часть первая. Нормальный домик	4
Часть вторая. Насечки	14
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Эдуард Сероусов

Спелые миры

Часть первая. Нормальный домик

Окно запотело за ночь. К утру на нём уже был дом — но Лин поняла это не сразу, потому что глаз отказывался держать рисунок целиком.

Мэй сидела на подоконнике в пижаме, поджав одну ногу под себя, и вела пальцем по холодному стеклу. Линия шла, как идёт всякая линия, — а потом возвращалась оттуда, откуда не уходила. Крыша оказывалась внутри. Стена показывала себя с той стороны, которой у стен не бывает. Лин смотрела на дом дочери от двери, не сняв пальто, с ключами ещё в руке, и чувствовала, как у неё чуть ведёт голову — будто она перегнулась через перила и поглядела вниз.

— Это наш дом, — сказала Мэй, не оборачиваясь. — Если смотреть как надо.

— У домов так не бывает, солнышко.

— У этого бывает. — Девочка наклонила голову набок, заглядывая за собственную линию, как заглядывают за угол. — Тут просто есть ещё одна сторона. Ты на неё не смотришь.

Лин подошла. От окна тянуло утренним холодом, на стекле дрожали бисеринки, готовые сорваться, и сквозь дом был

виден двор: голые тополя, мусорные баки, чья-то детская коляска под навесом. Обычный мир, разложенный по правилам, к которым она привыкла за тридцать девять лет. А поверх него — этот рисунок, в который нельзя было войти взглядом и не споткнуться.

Она знала, что скажет психолог. Знала слова: «пространственная одарённость», «нестандартная репрезентация», и другие слова, помягче, которыми называют то, что пугает. Она была учёным. Она умела не пугаться того, что можно назвать.

Лин подняла руку и стёрла дом ладонью.

Стекло пискнуло под кожей. Дом смазлся в мутную дугу, в ничто, в обыкновенную запотевшую муть, сквозь которую снова стал виден только двор — целиком понятный, целиком плоский, с одной-единственной стороной, обращённой к ней.

— Нарисуй нормальный домик, солнышко, — сказала Лин и сама услышала, как мягко это прозвучало. Как любовь. — С трубой. С окошком. Как все рисуют.

Мэй смотрела на свою смазанную линию. Потом подняла на мать глаза — серьёзные, ничуть не обиженные, и от этого отсутствия обиды Лин стало хуже, чем стало бы от слёз.

— Ты опять стёрла, — сказала девочка. Без упрёка. Как отмечают погоду.

Лин не нашлась что ответить. Она поправила дочери воротник пижамы, поцеловала в макушку — волосы пахли

сном и немного клубничным шампунем — и пошла ставить чайник, потому что было утро вторника, и через сорок минут надо было отвести Мэй к Даниилу, а ещё через час стоять в зале управления и смотреть, как человечество чинит небо.

Она не знала тогда, что запомнит это пятно на стекле на всю оставшуюся жизнь. Что будет возвращаться к нему в темноте, перебирать его, как чётку. Что однажды, в самом конце, когда у неё отнимут всё, чем она была, она поймёт, что именно в это утро ошиблась впервые — и хуже, чем когда-либо ошибётся потом.

Пока же она просто стёрла рисунок. Так делают матери. Так делают, когда любят и боятся.

Зал управления Международного института резонансных исследований был отлит из бетона так, чтобы внушать спокойствие, и не внушал ничего, кроме холода. Лин стояла на втором ярусе, у стеклянного ограждения, и смотрела вниз, где сто двадцать человек ждали момента, ради которого половина из них отдала десять лет.

На главном экране горела одна строка: **РЕЗОНАНС — Т минус 00:04:11.**

— Нервничаешь? — Карел, её коллега по группе предсказаний, протянул ей бумажный стакан с кофе. Кофе был кислый и едва тёплый, как всегда в этом здании, словно холод бетона добирался и до него.

— Считаю, — сказала Лин.

— Тут уже нечего считать. Всё посчитано.

— Я знаю. — Она отпила. — Поэтому и считаю заново.

Это была правда и про неё, и про всю её жизнь. Лин Чжао считала заново то, что было уже сосчитано, потому что однажды видела, как человек, которого она любила больше всех на свете, отказался от собственной правоты — и мир сожрал его за это. Она тогда поклялась себе, что никогда не отступит от того, что понимает. Понимать — значило держаться. Понимать — значило не упасть.

«Резонанс» был её верой, отлитой в сталь. Установка, которая впервые в истории дотягивалась до измерений, свёрнутых так глубоко, что в них помещалась бы лишь триллионная доля атома, — и черпала оттуда энергию. Пресса называла это «энергией вакуума». В вечерних выпусках показывали графики, на которых линия угольной кривой обрывалась вниз и больше не поднималась. Конец нефти. Конец дыма. Конец долгого спора человечества с собственным небом.

Лин знала, что «энергия вакуума» — упрощение. Удобное, красивое, почти честное упрощение, которое придумал отдел коммуникаций, потому что настоящее объяснение не помещалось в заголовок и пугало тех, кто давал деньги. Настоящее объяснение было тоньше и страшнее, и о нём знали человек сорок во всём мире. Она была одной из них и не любила об этом думать. В те минуты ей казалось, что не думать — это и есть профессионализм.

— Чжао. — Директор Сольвей возникла рядом беззвучно,

как умела возникать. Высокая, безупречная, с гладко убранными седеющими волосами; на отвороте пиджака — ничего лишнего, на цепочке под воротником — что-то, чего Лин никогда не видела целиком. — Ваша группа подтверждает окно?

— Окно держится, директор. Резонансная мода стабильна в пределах расчёта.

— Хорошо. — Сольвей смотрела вниз, на зал, и в её лице было выражение, которому Лин не нашла названия. Не торжество. Что-то более личное и более закрытое, как будто женщина смотрела не на установку, а сквозь неё — на что-то своё, давнее, чего никто, кроме неё, не видел. — Сегодня мы перестанем терять, — тихо сказала Сольвей, словно сама себе. — Хотя бы это.

Лин не поняла тогда, что это значило. Потом поймёт. Потом будет поздно.

Т минус 00:00:30.

Зал затих. Кто-то взял кого-то за руку. На экране бежала вниз последняя минута, и Лин поймала себя на том, что не дышит, — и заставила себя дышать, потому что она была учёным, а не зрителем, и её работа была не верить, а проверять.

Ноль.

Ничего не громыхнуло. Не было ни вспышки, ни дрожи. Просто по периметру зала тихо, один за другим, налились зелёным сто индикаторов, и басовый гул установки — тот,

что они слышали месяцами на испытаниях, — изменил тон. Стал ниже. Стал ровнее. Стал похож на дыхание чего-то очень большого, что наконец улеглось.

И всё. Никакой катастрофы. Только цифры, поползшие в графу выработки, и нарастающий, как прибой, гул аплодисментов внизу, и кто-то заплакал, и кто-то засмеялся, и Карел хлопнул её по плечу так, что расплескал остатки своего кофе.

— Получилось, — выдохнул он. — Господи, Лин, получилось.

— Получилось, — повторила она.

Получилось идеально. Установка работала. Небо было починено. Лин Чжао стояла в холодном бетонном зале, причастная к величайшему триумфу своего вида, и не знала, что только что вместе со ста двадцатью другими людьми поступала костяшкой по спелой дыне — и крикнула в темноту снаружи: *здесь созрело*.

✱

Даниил жил в трёх кварталах от института, в новостройке с видом на залив, и Мэй любила его балкон, потому что оттуда были видны краны порта и чайки. Лин забирала дочь по вечерам в те дни, когда они так договорились, и каждый раз стояла на пороге чужой теперь квартиры и чувствовала, как тонко всё устроено — как мало нужно, чтобы стать в собственной семье гостьей.

— Она поела, — сказал Даниил, подавая ей рюкзачок

Мэй. — И мы рисовали.

Он сказал «рисовали» с лёгким нажимом, и Лин услышала всё, что в этом нажиме было.

— Что рисовали?

— Дом. — Даниил смотрел на неё спокойно, тепло, тем своим взглядом, в котором всегда было больше заботы, чем она могла вынести. — Хороший дом, Лин. Со стенами на своих местах. Ей нравится так рисовать, когда её не поправляют.

— Я её не поправляю.

— Ты её лечишь. — Он не повысил голоса; он никогда не повышал. — Это разные вещи только на словах.

В коридоре, у его двери, стояли коробки — он что-то перебирал, складывал, как складывал всегда. Даниил был человеком, который удерживал. Фотографии в рамках, билеты в кино трёхлетней давности, остановившиеся часы его матери, которые он носил на руке, хотя они не шли. Лин когда-то любила это в нём, а потом устала от этого, а потом ушла — и до сих пор не знала, ушла ли она от его удержания или от собственного неумения удержаться.

— Она нормальный ребёнок, — сказала Лин. — Я хочу, чтобы она росла как нормальный ребёнок. В этом нет ничего дурного.

— В этом всё, Лин. — Даниил присел на корточки перед Мэй, поправил ей шапку, и его большая ладонь на секунду накрыла её затылок — бережно, слишком бережно, как на-

крывают то, что боятся потерять. — Просто будь осторожна с тем, что стираешь. Иногда стираешь не рисунок.

Мэй взяла мать за руку, и они пошли вниз по лестнице, и девочка молчала всю дорогу, а у самого выхода вдруг сказала:

— Папа боится.

— Чего папа боится, солнышко?

— Что что-нибудь пропадёт. — Мэй смотрела перед собой, на ступени. — Он всё время держит, чтобы не пропало. А оно всё равно немножко пропадает. Я вижу.

Лин не ответила. Она крепче сжала тёплую ладошку дочери и вывела её в холодный вечер, где над портом кружили чайки и где небо — впервые за столетие — было обещано чистым.

Сбой пришёл через девять дней.

Лин сидела в своём закутке группы предсказаний, в половине одиннадцатого вечера, одна, потому что дома её никто не ждал, а здесь по крайней мере была работа. Серверы гудели ровным белым шумом. На мониторе перед ней шёл поток телеметрии — тысячи строк в секунду, ровная река чисел, в которой она научилась чувствовать малейшую рябь, как рыбак чувствует течение.

И вот появилась рябь.

Сейсмическая станция в двенадцати километрах от установки зарегистрировала событие. Не толчок — для толчка

не было сигнатуры. Что-то иное: краткое локальное искажение, которое приборы записали как невозможное и тут же поместили флагом ошибки. Лин открыла лог. Потом другой. Потом данные с гравиметра, который полчаса показывал на одну сотысячную не то, что должен был, — а потом снова стал показывать как надо.

— Калибровка, — сказал бы Карел. — Сними и забудь.

Лин не сняла. Она вывела событие на карту.

Искажение имело форму. Не размытое пятно помехи — чёткую геометрию: линию, идущую под определённым углом, с изломом в определённой точке, как если бы кто-то наметил на ткани пространства складку. Лин смотрела на этот излом, и в груди у неё медленно, как лёд по реке, шло холодное узнавание, которому она ещё не давала имени.

Она знала этот угол.

Она встала, выдвинула нижний ящик стола — тот, где под папками с расчётами лежала тонкая стопка, которую она за чем-то возила за собой с одной работы на другую, хотя ни разу никому не показывала. Детские рисунки. Те, что не успела стереть. Те, что Мэй рисовала на бумаге, на полях её рабочих распечаток, на чём попало — за недели, за месяцы до сегодняшнего вечера. До запуска. До всего.

Лин разложила их под лампой дрожащими пальцами — на подушечках остался след зелёного маркера, она и не заметила когда. Дома с лишней стороной. Комнаты, у которых нутро было снаружи. И линии. Те самые линии, идущие и

возвращающиеся, с теми самыми изломами в тех самых точках.

Она положила карту искажения рядом с рисунком семилетнего ребёнка.

Угол совпал. Излом совпал. Линия легла на линию так, будто Мэй чертила не воображаемый дом, а карту того, что произойдёт с миром, — за недели до того, как мир об этом узнал.

Гул серверов вдруг стал очень громким. Лин сидела очень тихо, держа в одной руке распечатку из лаборатории, а в другой — лист, на котором её дочь, та, которую она семь лет учила рисовать нормальные домики, начертила первую складку наступающей катастрофы — и ждала, ждала, что мама посмотрит, а мама стирала.

В чёрном выключенном мониторе напротив Лин видела своё лицо. Оно было белым.

Часть вторая. Насечки

Она не спала ту ночь и две следующие. Днём говорила то, что говорят: «артефакт измерения», «совпадение масштабов», «дети рисуют что угодно». Слова держали её на плаву, как держали всю жизнь. Она цеплялась за них, как за поручни, и до поры они выдерживали её вес.

Их хватило ровно до субботнего утра.

Двор просыпался медленно, по-выходному. Старик из четвёртого подъезда выгуливал таксу. Двое подростков возились с перевернутым велосипедом. Мэй сидела на качелях и не качалась — просто держалась за цепи и смотрела на тополя так внимательно, как смотрят на знакомого, который вот-вот что-то скажет.

Лин стояла у скамейки с двумя пакетами из магазина и думала о ерунде — о том, что забыла купить хлеб, что надо записать Мэй к стоматологу, что сегодня к вечеру обещали дождь. Обыкновенные мысли обыкновенной матери в обыкновенное субботнее утро. Последние такие мысли в её жизни, хотя она этого ещё не знала.

Старик с таксой дошёл до середины двора — и вышел из-за собственной спины.

Лин не сумела бы описать это иначе, и потом, сколько ни пыталась, не находила слов точнее. Старик шёл к ним лицом.

И одновременно — в тот же самый неделимый миг — он же стоял спиной, в трёх шагах позади себя, и эти двое были одним стариком, не двойником, не отражением, а им самим, увиденным с двух сторон сразу, как нельзя увидеть никого и ничто. Такса звонко твякнула — с обеих сторон поводка разом.

И двор сложился.

Дальняя стена соседнего дома — та, до которой было метров сорок, — вдруг оказалась вплотную, на расстоянии вытянутой руки, не приблизившись, не двинувшись, просто *оказавшись*; и в тот же миг осталась там, где была, в сорока метрах. Лин держала в глазах оба расстояния разом, и от этого её замутило мгновенно и сильно, как мутит на палубе в качку, когда тело перестаёт понимать, где низ.

Пакет выпал у неё из руки. Покатилось яблоко.

— Видишь, — сказала Мэй с качелей.

Она говорила спокойно. Она единственная во всём дворе говорила спокойно. Старик закричал — двумя голосами, сросшимися в один. Подростки шарахнулись от велосипеда, и один упал, и не понял, куда падает, потому что «вниз» на секунду перестало быть одним направлением. Где-то наверху, в окне, завизжала женщина. А Мэй сидела на качелях, держась за цепи, и смотрела на сложившийся двор без страха — с тихим, почти печальным узнаванием человека, которому наконец поверили.

— Видишь, мам, — повторила она. — Я же говорила. У

всего есть ещё одна сторона. Просто теперь её стало видно всем.

Двор разогнулся так же внезапно, как сложился. Стена ушла обратно на сорок метров. Старик стал один. Такса жалась к его ногам и скулила. Подросток сидел на асфальте и тихо, бессмысленно ругался. Над двором повисла тишина, в которой было слышно, как капает из водосточной трубы, хотя дождя ещё не было.

Лин подняла дочь с качелей и прижала к себе так крепко, что Мэй пискнула. Сердце колотилось у неё в горле, в ушах, в кончиках пальцев. И сквозь животный ужас, сквозь желание схватить ребёнка и бежать куда угодно, лишь бы подальше, в ней — холодно, отдельно, неотменимо — работала та часть, которая считала. Которая уже знала, что считать. Которая уже понимала, что это значит, и от чего, и что артефактов измерения такой формы не бывает.

Она отнесла Мэй домой на руках, хотя девочка была уже большая для рук.

В понедельник институт собрал совещание, и Лин впервые увидела, как ложь надевают на катастрофу, будто крышку на кастрюлю.

Переговорная на двенадцатом этаже была вся стекло и свет, жалюзи отбрасывали на стол ровные полосы. За столом сидели двадцать человек, и у каждого на планшете была одна и та же сводка, и в этой сводке слово «складка» не встре-

чалось ни разу.

— Зарегистрированы случаи коллективной перцептивной аномалии, — читала пресс-секретарь ровным голосом диктора. — Предположительно — следствие сочетания низкочастотных вибраций установки и эффекта внушения. Аналог массовой истерии. Привлечён институт нейронаук. Рекомендованная формулировка для прессы: «временные сенсорные эффекты, не представляющие опасности».

— Внушения, — сказала Лин.

Двадцать голов повернулись к ней.

— Простите, доктор Чжао?

— Вы сказали — внушение. — Лин слышала свой голос как чужой: ровный, слишком ровный, такой, каким она говорила, когда внутри всё дрожало. Она поправила очки косяшковой указательного. — Внушение не оставляет следов на гравиметре. Внушение не пишется на сейсмостанции в двенадцати километрах от свидетелей, которые ничего не внушали. У двора, который я видела в субботу, была телеметрия. У массовой истерии телеметрии не бывает.

Молчание. Полосатый свет лежал на полированном столе.

— Доктор Чжао. — Директор Сольвей сидела во главе, и её руки спокойно лежали поверх закрытого планшета. — Вы предлагаете объявить миру, что установка, которую мы запустили как спасение, ломает пространство? На основании одного субботнего утра и показаний приборов, которые сами же помечают эти показания как ошибку?

— Я предлагаю не называть это истерией, пока мы не знаем, что это.

— Мы знаем достаточно, чтобы не сеять панику. — Сольвей не повышала голоса. Она вообще, кажется, не умела; её сила была в этой ровности, в безупречной собранности, под которой Лин впервые ощутила что-то иное — не спокойствие, а волю, твёрдую, как кость. — Установку мы не глушим. Это единственный источник, закрывающий климатический вопрос. Вы представляете, чего стоило его построить? Что будет, если мы остановим его на догадке? Мы вернёмся в дым. Мы вернёмся к тому, от чего полвека бежали. — Она помолчала. — Нет. Мы наблюдаем. Мы изучаем. Мы не паникуем. Это всё, коллеги.

Люди потянулись к выходу с облегчением, которое Лин читала на каждом лице: им дали разрешение не верить собственным глазам, и они хватались за это разрешение обеими руками. Так удобнее. Так можно жить дальше. Лин и сама хотела бы — господи, как она хотела бы, — взять это разрешение и уйти домой, и сказать себе, что в субботу ей помешалось.

Но в тот же вечер она свела все события вместе. Все до единого: сейсмическую станцию, гравиметр, субботний двор, ещё три случая, о которых уже шептались в коридорах, — выход из-за спины в порту, сложившийся лестничный пролёт в больнице, исчезнувший и вернувшийся перекрёсток. Она нанесла их на карту города. Поставила точки.

Провела через изломы линии.

И линии сложились в сетку.

Не в хаос. Не в случайные росчерки испуганного мира. В правильную, математически чистую решётку, где каждая складка ложилась под расчётным углом к соседней, где изломы повторялись с одним и тем же шагом, — и Лин, глядя на эту решётку, поняла, на что смотрит, потому что видела такое каждый день своими руками. Так размечают металл перед тем, как согнуть. Так ставят насечки по линии будущего сгиба, чтобы лист сложился ровно, там, где нужно, а не как попало.

Кто-то размечал мир под сгиб.

И первой — за недели до приборов, до института, до всего — эту разметку начертила её дочь. На запотевшем стекле. А Лин стёрла её ладонью и сказала: нарисуй нормальный домик.

Она сидела одна над картой далеко за полночь, и впервые в жизни понимание не спасало её, не держало на плаву, а тянуло на дно. Потому что понять — она поняла. Поняла, что мир складывают. Поняла, что её ребёнок видел это первым. Не поняла только одного, главного: кто и зачем.

И знала, что во всём мире остался только один человек, который, быть может, знает ответ. Человек, который вывел всё это в уравнениях двадцать лет назад — а потом отрёкся от собственных уравнений, объявил их ошибкой, и был осмеян, и спился, и исчез. Человек, чьё имя в институте про-

износили с той смесью жалости и презрения, какой удостоивают тех, кто оказался прав слишком рано и струсил слишком поздно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.